

УДК 81.11

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В ШКОЛЕ
(опыт учебной лексикографии)
В. М. Мокиенко

RUSSIAN PROVERBS IN SCHOOL
(experience of educational lexicography)
V. M. Mokienko

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Ключевые концепты русских народных сравнений (опыт идеографического словаря)» (№ 14-04-00090/14; шифр ИАС 31.16.571.2014).

В статье рассматриваются проблемы подачи пословиц и поговорок в школьном обучении родному и иностранному языку. Необходимость и целесообразность изучения пословиц и поговорок на занятиях по русскому языку определяется многими факторами, комбинация которых и диктует учителям и методистам правильный ответ. Эти факторы учитываются современными учебными пособиями, анализ которых предлагается автором статьи. Рассмотрены следующие проблемы: отбор минимума или максимума подаваемого в словаре материала; частотность описываемых пословиц и поговорок; целевая направленность на пассивное или активное владение описываемым паремиологическим материалом; ориентация на национальные реалии или интернациональные, интеграционные ценности; переводимость – непереводимость описываемых пословиц и поговорок. Демонстрируется решение этих проблем в «Школьном словаре русских пословиц», одним из составителей которого является автор статьи.

The paper deals with the problem of the introduction of proverbs and sayings in schooling native and foreign languages. Necessity and feasibility of studying proverbs and sayings in the Russian language classroom is determined by many factors, the combination of which dictates the teachers and trainers the correct answer. These factors are considered in modern teaching aids, the analysis of which is proposed by the author. The following problems are regarded: selection of minimum or maximum material supplied to the dictionary; frequency of the described proverbs and sayings; goal orientation for passive or active using of the described paremiological material; focusing on the realities of national or international, integration values; translatability / untranslatability of the described proverbs and sayings. The author demonstrates a method of solving these problems in the “School Dictionary of Russian Proverbs”, where he was one of the compilers.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, паремиологический минимум, дидактика паремиологии, частотность пословиц, страноведческий аспект паремиологии, переводимость, непереводимость.

Keywords: proverbs, paremiological minimum, didactics of the paremiology, frequency of proverbs, culturological aspect of paremiology, translatability, untranslatability.

Споры о необходимости и целесообразности подачи пословиц и поговорок в школьном обучении родному и иностранному языку ведутся с незапамятных времен. Методики-«рационалисты» обычно отрицают внедрение таких языковых единиц в процесс обучения (особенно на начальном этапе), ссылаясь на то, что обучаемым нужна информация, конкретные знания, а не семантически диффузные экспрессивные выражения и сентенции, которые могут лишь рассеять и отвлечь внимание от реальной номинации. Методики-«сенсуалисты», наоборот, утверждают, что эмоциональное, субъективное воздействие на учащихся стимулирует их образное мироощущение, способствует творческому восприятию языка и тем самым повышает эффективность обучения. Эти дискуссии и сейчас ещё волнуют теоретиков и практиков методики преподавания родного и иностранного языков в школе и вузе. Предлагаются различные дозировки фразеологического материала в учебниках и в учебном процессе, делаются попытки разработать фразеологические и паремиологические минимумы для конкретных этапов обучения, создаются специализированные учебные пособия и словари по фразеологии для «самых маленьких» и «самых больших» учащихся.

При всей «извечности» таких дискуссий, одностороннее их решение кажется бесперспективным уже

потому, что необходимость и целесообразность подачи пословиц и поговорок на занятиях по русскому языку определяется многими факторами, комбинация которых и может продиктовать учителям и методистам правильный ответ. Одно остаётся при этом несомненно: пословицы и поговорки – неотъемлемая часть любой живой и развитой языковой системы и элиминировать их изучение на всех этапах обучения языку не следует. Уже издревле эта констатация была обоснована патриархами педагогики. Так, Ян Амос Коменский, которого в средневековой Европе справедливо называли «Учителем народов», в основу своего знаменитого дидактического труда «Мир в образах» (Johan Amos Comenius. Orbis Sensualium Pictus. Levoča, 1657) положил именно образную составляющую языка, которая определяет национальную его специфику и тем самым имеет мощное эмоционально-эстетическое воздействие на учеников. Не случайно к этой всемирно признанной теперь идее Я. А. Коменского привела именно фразеология – составляемый им словарь «Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům» – Мудрость древних чехов, завещанное как зеркало для потомков [13].

Завет чешского и словацкого просветителя в наши дни получает всё более широкую реализацию как в

учебном процессе, так и в учебных пособиях для школы. Естественно, что первую скрипку в этом процессе играют именно чешские лингвисты и методисты обучения родному и иностранному языкам. М. Чехова, Я. Шинделаржова, Д. Балакова.

Так, одна из ведущих специалистов по методике обучения чешскому языку в школе проф. М. Чехова провела экспериментальное зондирование результатов внедрения фразеологического материала в процесс обучения и предложила несколько значимых констатаций и рекомендаций, имеющих, как кажется, общелингвистическую и общеметодическую дальнобойность [12, с. 207 – 212]. Ею убедительно показана роль фразеологии в процессе обучения родному языку и прививки любви к нему, причём экспериментальные данные обнаружили значительные индивидуальные различия в понимании фразеологии и объёма их усвоения [12, с. 113]. Зондирование реальных знаний фразеологизмов приводит М. Чехову к объективному выводу о том, что «многие традиционные народные фраземы предаются забвению» [12, с. 118], что ставит прагматическую задачу об их проработке в процессе обучения. Такое зондирование продолжила и расширила ученица проф. М. Чеховой доц. Я. Шинделаржова, по наблюдениям которой в школьных учебниках чешского языка в Чехии и в учебниках для иностранцев неуклонно увеличивается количество фразеологического материала [15].

Учитывая интерес к практическому изучению русской фразеологии в чешской и словацкой аудитории мы с проф. Л. И. Степановой издали и переиздали учебное пособие «Русская фразеология для чехов» [4], а совсем недавно с чешскими и словацкими коллегами составили и небольшой русско-чешско-словацкий иллюстрированный фразеологический словарь [11]. На чешского учащегося ориентирован и оригинальный словарь русской фразеологии Т. Г. Никитиной и Е. И. Рогалевой, изданный недавно в Чехии [8]. Эти авторы вообще издали целую серию фразеологических словарей для русских школьников, пользующихся большой популярностью [5]. Написанные живо, остроумно иллюстрированные и методически оригинально структурированные, они активно используются в нашей школе.

Несомненная востребованность и популярность работы с фразеологическим и паремиологическим материалом в школе и иностранной аудитории требует изучения опыта такой работы и выявления перспектив дальнейшего её совершенствования. Такой опыт мы, составители уже дважды издававшегося школьного словаря русских пословиц [7; 10], накапливали несколько десятилетий. Словарные статьи, составляемые коллективом Фразеологического семинара при Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина (филологический факультет СПбГУ), регулярно обсуждались, каждый из составителей вносил свою лепту и новыми материалами, и лексикографическими предложениями, и дружеской критикой. Постепенно очертился круг вопросов, особо важных для составления фразеологических и паремиологических словарей для школьного обучения.

Каковы же эти вопросы?

Назову, как мне кажется, важнейшие из них.

1. Проблема отбора словников, т. е. определение минимума или максимума подаваемого в словаре материала.

2. Проблема частотности описываемых пословиц и поговорок.

3. Проблема целевой направленности на пассивное или активное владение описываемым паремиологическим материалом.

4. Проблема ориентации на коммуникативную или грамматическую систему усвоения материала.

5. Проблема ориентации на национальные реалии (страноведения) или интернациональные, интеграционные ценности.

6. Проблема переводимости – непереводимости описываемых пословиц и поговорок.

В составленном нами «Школьном словаре русских пословиц» некоторые из названных проблем решались на основе постоянно корректируемых теоретических и практических принципов, разработанных нашей словарной группой, другие же – чисто имплицитно, интуитивно, при конкретной работе над каждой словарной статьёй. Вот почему читатель словаря легко обнаружит их прагматическое решение при работе с этим словарем в школьной аудитории.

Теоретического и практического решения потребовало в самом начале сбора материала и подготовки концепции словаря проблема дефиниции терминов *пословица* и *поговорка*, ибо именно они определяли качественную ипостась словника. Известно, что точка зрения на эти термины менялась издревле. Древнерусское слово *пословица* было многозначным: оно характеризовало и любой словесный договор, и соглашение между отдельными людьми, и «соумышление», и вообще – согласие, мир. Одним из таких значений было и «краткое, выразительное изречение, иносказание, сентенция». Прежде не различали пословицы и поговорки. Знаменитое устойчивое сравнение из «Повести временных лет» – *погибоша, яко обри*, например, летописец называет именно *пословицей*. Постепенно в русской и зарубежной филологической и фольклористической традиции эти термины стали различаться достаточно четко. В. И. Даль выразил это, принятое уже в его время, разграничение четко и лапидарно. *Пословица*, по его мнению, – это «коротенькая притча», суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности», *поговорка* же – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения... это одна первая половина пословицы» [1, с. 13 – 14]. К *пословицам*, следовательно, отнесены такие народные речения, как *Без труда не вынешь рыбку из пруда; Любишь кататься, люби и саночки возить; Ласковый теленок две матки сосет*, а к *поговоркам* – *погибоша яко обри, сваливать с больной головы на здоровую, чужими руками жар загребать*, то есть такие единицы, которые многими лингвистами называются теперь фразеологизмами.

Конечно, и сейчас не все ученые и собиратели пословиц и поговорок используют эти термины традиционно. Один из известных лингвистов и лексикографов В. П. Жуков в своем «Словаре русских пословиц и поговорок» [2, с. 11] предлагает, в частности, весьма оригинальное их толкование. Под *пословицами* он понима-

ет краткие народные изречения законченного синтаксического типа, имеющие одновременно прямой и переносный (образный) план, под *поговорками* – лишь те изречения, которые воспринимаются буквально. К первым отнесены речения типа: *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*, ко вторым – *Деньги – дело наживное* или *Коса – девичья краса*.

В нашем школьном словаре описываются как образные, так и безобразные пословицы. Последние – в отличие от толкования В. П. Жукова – именуется не *поговорками*, а *пословицами*. Включение их в наш словарь оправдано той дидактической ролью, которую они издревле играют наравне с пословицами образными. Ср. нравственную и дидактическую ценность таких безобразных пословичных рекомендаций, как *Учиться – всегда пригодится*; *Труд кормит, а лень портит*; *Ученье лучше богатства*. Несмотря на то, что образа в них нет, их афористичность, ритмичность и смысловая емкость делает их пословицами, вполне адекватными образным – типа *Ученье корень горек, да плод сладок*; *Без труда не вынешь и рыбку из пруда* или *Ученье – свет, а неученье тьма*.

Как видим, мы, составители школьного словаря, термин *пословица* понимаем традиционно – как законченное образное или безобразное изречение, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией. *Поговорки* же, понимаемые авторами как фразеологизмы в узком смысле слова, из корпуса словаря исключаются.

Информация, заключенная в пословицах, как правило, имеет двойную направленность. С одной стороны, пословицы – это назидания, афоризмы, краткие рекомендации на различные случаи жизни. Вот почему многие сборники пословиц построены именно по тематическим циклам, подсказывающим «сюжет» таких назиданий – пословицы о Труде, Лени, Пьянстве, Учении, Храбрости, Трусости, Красноречии и т. п. С другой стороны, пословицы – это хранилища прошлого уклада жизни, истории, культуры, слепки исчезнувших теперь образов и представлений.

Такая двуединость пословиц рождает и разный подход к ним, и разное использование их говорящими и пишущими. Тематическая группировка пословиц в словаре, в сущности, основывается на их синхронной, переносной паремиологической семантике. Отсюда возможность отразить в ней языковую картину мира, национальный менталитет и, как говорили в XIX веке, народные «узаконения», своеобразный жизненный и моральный кодекс. По такому пути мы пошли с Т. Г. Никитиной, издав словарь «Народная мудрость. Русские пословицы» [3], где тематическая классификация, подобно классификации В. И. Даля, стала «сюжетным» стержнем справочника. Группировка же пословиц по стержневому компоненту, каковым нередко оказывается первое существительное, зиждется, в сущности, на принципе диахроническом. Она – как, впрочем, и классификация тематическая – может служить надежным путеводителем по лабиринтам русской национальной культуры.

Многие ее стороны иллюстрируются пословицами. Вот следы крестьянского и ремесленного быта, запечатленные в них: *Куй железо, пока горячо*; *Плотник без топора, что изба без угла*; *Взялся за гуж, не гово-*

ри, что не дюж; *Каковы сани, таковы и сами*; *Без узды коня не удержишь*; *Щи да каша – пища наша*. Вот упоминания о забытых ныне народных праздниках и традициях: *Будет и на нашей улице праздник*; *Не все коту масленица*; *Делу время – потехе час*; *Масленица без блинов, именины без пирогов не бывают*. Вот – осколки свадебных обрядов и ритуалов, брачных советов и наказов: *Выбирай не невесту, а сваху*; *Ранняя женитьба – видимая беда*; *Муж любит жену красивую, а брат сестру богатую*; *Не бери приданое, бери милу девицу*; *В мае жениться – век маяться*; *Любовь да совет, так и нуждочки нет*. Вот – отражения духовной культуры и старинных крестьянских верований: *Бог-то Бог, да и сам будь не плох*; *На Бога надейся, а сам не плошай*; *Бог не выдаст, свинья не съест*; *Бог шельму метит*; *Сору из избы не выноси*. Как видим, в таких пословицах чувствуется не только вера в высшую силу – Бога, но и скепсис народного атеизма.

Немало в пословицах и чисто исторических фактов. Пословица *Повинную голову и меч не сечет* восходит, например, к обычаю выдавать виноватого головой, известному на Руси с XII века; *Язык до Киева доведет* хранит память о древнем центре восточных славян и о значении Киева для Древней Руси. *Москва не сразу строилась* напоминает нам о длительном, многовековом и многотрудном строительстве нашей столицы, упоминавшейся в летописи уже под 1147 годом. *Москва слезам не верит* – свидетельство народного недовольства феодальными притеснениями. Такие пословицы можно перечислять до бесконечности.

В нашем словаре на историко-этимологический и этнографический комментарий пословиц обращено особое внимание, ибо именно они и отражают национальную специфику. Однако далеко не все они такого комментария требуют. Если образ понятен читателю на основе его собственного речевого опыта, то комментарий, как говорится, излишни. См. пословицы такого рода в нашем словаре: *Беда вымучит, беда и выучит*; *У кого что болит, тот о том и говорит*; *Не ищи красоты, а ищи доброты*; *Птице крылья, а человеку разум*.

Отсутствие историко-этимологического комментария у подобных пословиц при возможности компенсируется ссылкой на чисто языковые источники или параллели. В таких случаях комментируются отдельные слова, представляющие трудности для читателя (например, слово *барыш* в пословице *Барыш с накладом в одних санях ездят*) или предлагается иноязычный материал (ср. славянские и другие пословичные параллели к пословице *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*).

Вторая важная сторона пословиц – их современное восприятие и употребление в живой и художественной речи. Это необходимый элемент культуры рыречи, культуры народа. Поэтому нет писателя, который бы не обращался к пословицам как к эффективному стилистическому средству.

Россыпи пословиц встречаются у А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, А. Н. Островского и М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Крылова и Ф. М. Достоевского, М. А. Шолохова и А. Т. Твардовского, А. О. Солженицына и др. Попадают они и на страницах наших газет и журналов, звучат по радио и телевидению, украшают или делают более выразительной нашу повседневную разговорную речь. Удачное употребление пословицы

не только повышает эмоционально-оценочный потенциал текста, но и дает возможность точно и кратко охарактеризовать ситуацию (поговорка, по сути, и есть яркий знак ситуации) минимальными средствами, но с максимальной смысловой емкостью.

Хотя многие поговорки хорошо известны говорящим и читающим – тем более, что смысл их можно восстановить и из их образа или синтаксической конструкции, – точная привязка к ситуации не всегда ощущается. Судя по опросам школьников, такие поговорки, как *Семь бед – один ответ*; *Своя рука – владыка*; *Новая метла чисто метет*, не всегда вписываются в соответствующий литературному употреблению контекст, а значит, и неверно понимаются. Еще сложнее обстоит дело с пониманием «глубинного» смысла поговорок: они нередко искажаются или даже коверкаются до анекдотических переосмыслений типа *Цыплят по восемь считают* (вместо *по осени*) или *Не плачь коза, а то мамой будешь* (вместо *Не плачь казак – атаманом будешь*). Предупредить такие огрехи, дать читателю материал «классического» употребления поговорок в привычных ситуациях и текстах – одна из главных задач словаря.

Функции поговорок в тексте многообразны. Все они, однако, подчинены трем основным знаковым свойствам этой единицы, в конкретных произведениях нередко выступающих в единстве [14, с. 293]: 1) свойство выступать как отношение поговорки к субъекту, особенно к тому, кто является источником высказывания; 2) свойство характеризовать внутреннюю смысловую структуру самой поговорки; 3) свойство характеризовать поговорку в отношении ее к окружающему контексту.

Такое «триединство» порождает особую эстетическую напряженность поговорки, сохраняя при этом ее обобщенность, логичность. Противоречие между логикой синтаксиса и некоторой алогичностью двойного плана – одна из характерных особенностей поговорок. Ее часто используют писатели. Поговорка, с одной стороны, предельно конкретизирует ситуацию, концентрирует на ней внимание, с другой – обобщает, выдает готовые сжатые формулы вместо развернутых конкретных характеристик. В этом смысле весьма точно сравнение процесса «сгущения мысли» в поговорке с алгебраическим решением задачи, которое предложил известный лингвист А. А. Потебня [6, с. 520].

Алгебраичность поговорки, собственно говоря, и выделяет ее ярко из контекста, создает ощущение монолитности, воспроизводимости в готовом виде, целостности восприятия ее переносного значения. Целостности, разумеется, иной, чем у поговорки на уровне предложения, а не на уровне словосочетания.

Литература

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.
2. Жуков В. П. Словарь русских поговорок и поговорок. М., 1966.
3. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. Русские поговорки. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 416 с.
4. Мокиенко В. М., Степанова Л. И., Малинский Т. Русская фразеология для чехов. Olomouc: vyd. Univerzity Palackého, 1995. 156 с.
5. Никитина Т. Г., Роголева Е. И. Фразеологический словарь. Занимательные этимологические истории для детей. М.: ВАКО, 2013. 96 с.

Цель нашего словаря – последовательно отразить все названные характеристики русских поговорок: описать их значение и возможности употребления в тексте, продемонстрировать типичные случаи их варьирования в речи, типичные ситуации, в которых они используются, выявить «фоновую» информацию культурно-исторического свойства.

Основным критерием отбора материала служило употребление поговорок в произведениях русских писателей XIX – XX вв., подкрепленное регулярной употребительностью в художественной литературе и публицистике. Частотность поговорок экспериментально корректировалась опросом учащихся и студентов. Основу словаря составляет сводная паремнологическая картотека Санкт-Петербургского университета, насчитывающая свыше 500 тысяч карточек. В словарь вошло около 700 поговорок.

Наш словарь ориентирован на школьников и студентов, что выражается в объеме и отборе материала, иллюстративных цитатах из произведений русской художественной литературы, широким культурно-историческим комментированием. В отличие от Словаря В. П. Фелицыной и Ю. Е. Прохорова [9] комментируется лишь то, что сейчас непонятно носителю русского языка, то есть историзмы, этнографизмы, традиционализмы и т. п. В отличие от всех предыдущих словарей, стилистическая дифференциация поговорок (несмотря на известные трудности этой задачи) проведена в непосредственной связи с ситуативной характеристикой использования. Сделана и попытка отразить системность и актуальность поговорок путем демонстрации их варьирования в типичных синтаксических моделях.

Словарь организован по принципу стержневого слова (первого существительного, а при его отсутствии – прилагательного, причастия, числительного, местоимения или глагола), что обусловлено системным подходом к описанию поговорок при учете смыслового ядра языковой единицы, а также является удобным методическим приемом поиска необходимой поговорки в словаре. Стержневой подход позволяет более компактно описывать ассоциативные гнезда поговорок, что позволяет не дублировать лексические и историко-этимологические комментарии в разных местах словаря. Для расширения диапазона использования словаря к нему дается покомпонентное приложение, где в алфавитном порядке перечислены все знаменательные слова, входящие в поговорку. Это поможет и учителю, и школьнику, и переводчику легко ориентироваться в словаре.

6. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности // А. А. Потебня. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 464 – 560.
7. Словарь русских пословиц. Около 1000 единиц. Авторы: Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнудинов, Т. В. Кормилицина, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Н. Я. Якименко / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ, 2007. 381.
8. Учебный словарь русской фразеологии на русском и чешском языках. Zábavný slovník ruské frazeologie. T. G. Nikitina, E. I. Rogaleva, V. Burešová, M. Rykovská. Západočeská univerzita v Plzni: nakl. Fraus, 2013. 327 с.
9. Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1979. 240 с.; 2-е изд., испр. и доп.; М., 1988. 272 с.
10. Школьный словарь живых русских пословиц / сост.: Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнудинов, Т. В. Кормилицина, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Н. Я. Якименко; гл. ред. В. М. Мокиенко; ред.: Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова. СПб.: Нева; ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 352 с.
11. Baláková Dana, Mokienko Valerij, šindelářová šindelářová Jaromíra. Rusko-česko-slovenská frazeologická příručka. Greifswald, 2012. 180 s.
12. Čechová Marie. Řeč o řeči. Praha: Academia, 2012. 311 s.
13. Komenský Jan Amos. Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům. Z rukopisu Lesenského // Spisy Jana Amosa Komenského. Vydal Jan Novák. Číslo 2. Praha, 1901. 113 s.
14. Mukařovský Jan. Přísloví jako součást kontextu // Cestami poetiky a estetiky. Praha, 1971.
15. Šindelářová Jaromíra. Čeština jako cizí jazyk v evropském kontextu. Ústí nad Labem: Univerzita J. E. Purkyně v Ústí nad Labem, 2008. 177 s.

Информация об авторе:

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского университета; главный научный сотрудник Института филологических исследований СПбГУ; профессор Института славистики Эрнст-Моритц-Арндт Университет, г. Санкт-Петербург, Россия, mokienko40@mail.ru

Valery M. Mokienko – Doctor of Philology, Professor at the Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University; Chief Research Associate at the Institute of Philological Research, St. Petersburg State University; Professor at the Institute of Slavic Studies, Ernst-Moritz-Arndt University, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редколлегию 19.12.2014 г.